

Лу Ли действовал исключительно надёжно, не просочилось ни единого слуха. Вскоре весть о смерти «хозяйки» долетела до второй ветви семьи Чу, прямо в уши госпожи Сунь.

Как и ожидалось, госпожа Сунь забеспокоилась. Она приказала своему доверенному человеку найти способ всё перепроверить, а после этого действительно начала действовать. Глубокой ночью из левой боковой дверцы резиденции Чу выскользнула фигура...

А другая фигура, словно призрачная тень, уже давно поджидавшая снаружи, беззвучно последовала за ней.

Вскоре папка с собранными сведениями оказалась в руках Чу Му.

Раскрыв и прочитав, Чу Му приподнял уголки губ:

— Прекрасно! Мы можем возвращаться домой.

Се Тин Юэ сразу всё понял и пододвинулся поближе, желая заглянуть в папку:

— Всё получилось?

Чу Му нарочно отодвинул бумаги подальше, вынуждая Се Тин Юэ придвинуться ещё ближе, а затем обнял его за талию и поцеловал в щёку:

— Смотри, как твой муж за тебя отомстит.

Се Тин Юэ мгновенно покраснел:

— Перестань!

Они были в предместье столицы — войти в город было делом нескольких часов, так что не было нужды больше притворяться.

Вторая тётушка госпожа Сунь, заранее получившая весть, собрала в зале целую толпу ожидающих. Увидев вошедшую пару, она расплылась в особенно «ласковой» и «заботливой» улыбке:

— Я слышала, что вы уже были за городом, но задержались в пути из-за плохого самочувствия племянника. Что же стряслось, неужели болезнь снова обострилась?

Стоило ей задать этот вопрос, как, не дав Се Тин Юэ и Чу Му даже рта раскрыть, кто-то позади тут же подхватил:

— Это не к добру. Не жалея своего здоровья, отправился в район бедствия — а что, если он принёс оттуда заразу, как нам тогда быть?

— Он и так болен, как бы в этот раз...

— Всё же стоит пригласить лекаря, пусть осмотрит, чтобы люди не говорили, будто мы, старшие, не проявляем заботы.

Се Тин Юэ проигнорировал эти язвительные речи, на которые и злиться-то не стоило, и с улыбкой ответил:

— Благодарю дядюшек и тётушек за заботу. Здоровье моего супруга сейчас в порядке, перед возвращением мы уже показали лекаря.

— Всё же жена племянника такая понимающая, теперь мы спокойны. В конце концов, в будущем вам, молодым, самим решать, как жить, не станем вам мешать! — Госпожа Сунь решительно закрыла этот вопрос и поспешно перешла к следующему: — Говорят, наводнение в уезде Цин было очень сильным и наверняка задержало ваши дела. Интересно, а долг... удалось вернуть? Не возникло ли проблем?

Этот вопрос волновал дядюшек и тётушек куда сильнее предыдущего.

— Верно, вернули или нет?

— Давайте скорее разделим деньги, дома уже есть нечего!

Чу Му улыбнулся:

— Племянник хотел бы сказать второй тётушке пару слов наедине.

Говоря это, он достал кое-какую вещицу и легонько покачал ею в руке.

Госпожа Сунь поначалу не придавала этому значения, подумав, что Чу Му задумал какую-то уловку:

— Если есть что сказать, говори прямо здесь...

Увидев предмет в руке Чу Му, её зрачки резко сузились, и она мгновенно сменила тон:

— Впрочем, я не подумала. Детям бывает неловко, вполне возможно, что есть вопросы, которые хочется задать наедине. Братья, невестки, посидите немного, я скоро вернусь.

Все переглянулись, не понимая, в чём дело, но так как госпожа Сунь много лет управляла домом и обладала огромным влиянием, никто не стал задавать вопросов.

Пройдя в тихий флигель и закрыв за собой дверь, госпожа Сунь, вне себя от волнения, указала на руку Чу Му:

— Откуда у тебя эта вещь?!

Это была маленькая печать, вырезанная из кроваво-красного камня, — личная печать, тонкой работы, с изящным узором, очень узнаваемая.

Чу Му ответил с сияющей улыбкой:

— Я попросил вторую тётушку поговорить наедине именно ради того, чтобы сохранить её лицо. Не стоит говорить так громко, не то привлечёте лишнее внимание.

Госпожа Сунь опомнилась и холодно фыркнула:

— Не пытайся меня запугать. Ну узнала я её, и что с того? Что ты мне сделаешь?

— Признание — уже серьёзное дело, — улыбнулся Чу Му. — Вторая тётушка присвоила деньги из общей казны, чтобы дать их в долг под ростовщический процент... и не может их вернуть, верно?

П.п. Ростовщичество — предоставление денег в долг с условием их возврата с грабительскими процентами.

Лицо госпожи Сунь побледнело.

Он действительно всё узнал!

При виде этой маленькой печати в ней ещё теплилась крохотная надежда, но стоило прозвучать словам о ростовщической ссуде, как она поняла — у него есть доказательства, чтобы её поймать.

Чу Му с полуулыбкой протяжно произнёс:

— Уж простите племянника, но в этот раз вторая тётушка проявила излишнюю щедрость. С какой стати договаривались зарабатывать вместе, а когда потерпели убытки, вы всё взвалили на себя? Даже люди из дворца не должны быть настолько бессовестными и так подставлять, верно?

— Замолчи! — Госпожа Сунь впиалась взглядом в Чу Му, словно отравленным клинком. — Это же люди из императорского дворца, как мы можем не оказать им почтения?

Чу Му продолжил:

— Вторая тётушка безупречна в своих высоких принципах, но ведь нельзя быть щедрой за чужой счёт, верно? В чём повинны люди из семьи Чу? Раньше прибыль забирали вы, все хорошие дела совершали вы, доброе имя доставалось вам, а как пошли убытки — так расплачиваться должны все вместе. И когда справиться не получилось, решили подставить меня и мою жену. Не кажется ли вам, вторая тётушка, что это чересчур бесчестно?

Госпожа Сунь с суровым видом возразила:

— И что же здесь бесчестного? В том договоре всё чёрным по белому, та сторона просто задолжала и не возвращает, а раз так — вы обязаны пойти к ним и потребовать своё!

— Договор... У вас, вторая тётушка, ещё хватает наглости говорить об этом договоре, — тихо рассмеялся Чу Му. — Другие, может, и не знают всей подоплёки, но неужели вы не знаете?

Госпожа Сунь запнулась:

— Вы...

Се Тин Юэ улыбнулся:

— Благодаря второй тётушке мы отыскали семью Сяо и в подробностях выяснили, что же это за договор.

У госпожи Сунь внутри всё оборвалось.

Взгляд Чу Му был холодным и насмешливым:

— В торговле товар меняют на деньги. Вы не предоставили ровным счётом ничего, а хотите, чтобы вам заплатили. И как только хватается?

— Ты...

— Прошу прощения, вторая тётушка. — Се Тин Юэ погладил Чу Му по спине, словно помогая ему восстановить дыхание. — Всё-таки в дороге не так уютно, как дома. В полдень еда оказалась слишком солёной, мой муж сказал это не нарочно.

Солёной...

Соль!

Госпожа Сунь была не глупа, как она могла не понять скрытый смысл?

Она заскрежетала зубами от ненависти — эти двое действительно всё знают!

Даже тайну, о которой совершенно нельзя было говорить посторонним, они сумели раскрыть. Такой хороший план, и тот не смог их погубить!

— Теперь мне всё ясно: съездили, набрались опыта, а вот денег не вернули. — Госпожа Сунь поправила шпильку в волосах. На губах её играла улыбка, но во взгляде застыл холод. — И как теперь отчитываться перед сородичами? У меня язык не повернётся такое сказать. Раз вы такие способные, то сами и расскажите!

Чу Му небрежным движением руки убрал маленькую печать и с улыбкой кивнул:

— Что ж, пожалуй, об этом деле действительно стоит поговорить с сородичами — вместе и поищем выход.

— Только посмей! — вспылила госпожа Сунь.

— А отчего же мне не посметь? — отозвался Чу Му.

Госпожа Сунь заскрежетала зубами:

— Тебе плевать на репутацию семьи Чу?

Ростовщичество — чем тут гордиться? Да ещё и такие колоссальные убытки!

— Вторая тётушка слишком высокого мнения обо мне, — улыбка на лице Чу Му стала шире. — Мне всё равно осталось жить считанные дни, так какой прок от пустой славы? Если я смогу отомстить за обиды и утащить за собой в могилу тех, кто мне не по душе, — я буду только рад.

Смысл его слов был предельно ясен: либо ты, госпожа Сунь, сама разбираешься с толпой снаружи, ведь сама же всё и затеяла, либо ты не вмешиваешься, и тогда всё будет раскрыто, а удастся ли тебе выпутаться — будет зависеть лишь от твоих собственных способностей!

У госпожи Сунь от злости затряслись руки:

— Хорошо... Ты, ублюдох, я действительно тебя недооценила!

Лицо Се Тин Юэ мгновенно напряглось:

— Вторая тётушка, выбирайте выражения!

Если ему не изменяла память, подобные слова он слышал уже во второй раз. В первый раз от хозяйки чайной лавки, а ведь та была человеком госпожи Сунь!

Разве кто-нибудь стал бы намеренно бросаться такими словами, просто чтобы выпустить пар? Госпожа Сунь наносила удар в самое больное место!

— Выбирать выражения? — Госпожа Сунь посмотрела на Се Тин Юэ и внезапно расхохоталась.
— Ха! Ты, прекрасный юноша, которого силой принудили выйти замуж за этого больного, вместо того чтобы как следует всё обдумать, неужели и впрямь проникся к нему чувствами, раз защищаешь на каждом шагу?

Взгляд Се Тин Юэ вспыхнул острым, пронзительным светом:

— Вас это не касается.

Госпожа Сунь прищурилась, отвела взгляд от Се Тин Юэ и уставилась на Чу Му.

Одна мысль внезапно начала бешено прорастать в её душе, вызвав у неё извращённое чувство удовлетворения...

С самого начала и до сих пор все её уловки, как явные, так и скрытые, были разгаданы. Раз за разом эти двое обращали её хитрости против неё же, оставляя её ни с чем. Разве могла она смириться? Как она могла смириться?!

Раз ей не досталось ничего хорошего, то и этим двоим не видать спокойной жизни!

— Какой же ты дурак! Ты хоть знаешь, кто он такой, что так легко отдаёшь ему своё сердце? — голос госпожи Сунь зазвучал медленно, а во взгляде, устремленном на Се Тин Юэ, было полно жалости. — Этот благородный, утончённый и прекрасный супруг перед тобой на самом деле сомнительного происхождения и не достоин своего положения. Он... вовсе не носит фамилию Чу.

В комнате внезапно воцарилась тишина.

Госпожа Сунь с самодовольным видом, полная злорадства и предвкушения, ожидала увидеть,

каким будет лицо Чу Му.

То выражение, в котором смешались бы потрясение, смятение, отчаяние, неверие... целая буря эмоций.

К сожалению, её вновь постигло разочарование.

Чу Му, как всегда, сохранял спокойное, равнодушное и холодное выражение лица, и даже на губах его играла лёгкая улыбка:

— Я думал, что вторая тётушка способна на нечто большее.

Весь его облик, поза и выражение лица так и говорили: «Неужели вы думали сломить меня этим?»

Госпожа Сунь попросту остолбенела.

Как такое возможно?

Не может быть!

— Если второй тётушке больше нечего сказать, то прошу вас, должным образом разберитесь с людьми снаружи, полагаю, на это ваших способностей всё же хватит. Мы с женой устали с дороги, поэтому пойдём к себе отдыхать.

Сказав это, Чу Му взял жену за руку и уже собрался уходить.

— А ну стой! Ты... — воскликнула госпожа Сунь.

Чу Му слегка прищурился:

— Я уже давал второй тётушке немало шансов. Полагаю, наши с женой требования вам предельно ясны. Если с сегодняшнего дня вы, вторая тётушка, будете вести себя смирно, я позволю вам дожить здесь спокойно до старости. Но если хоть что-то нас с женой не устроит — родовой храм отсюда недалеко.

Госпожа Сунь задрожала всем телом.

Этот племянник... какое жестокое сердце!

— Хватит притворяться! Я не верю, что в глубине души тебе всё равно!

Чу Му, держа Се Тин Юэ за руку, медленно удалялся. Его поза была расслабленной и беззаботной, и казалось, будто ему действительно было всё равно.

Кроме человека, чью руку он сжимал, ему не было дела ни до чего.

Когда они наконец вернулись в свой двор и смогли по-настоящему расслабиться, Се Тин Юэ осторожно посмотрел на Чу Му:

— Ты...

Чу Му поднёс его руку к своим губам и легонько поцеловал:

— Всё в порядке, я не расстроен. Я не говорил тебе раньше, потому что и сам не был уверен, а сейчас... по-прежнему не уверен.

Он произнёс это очень тихо, но Се Тин Юэ понял.

Для подобных сомнений имелись свои предпосылки. Стоило лишь взглянуть на отношение матери Чу Му — овдовевшей первой госпожи Су, чтобы кое-что понять.

Разве на свете найдётся мать, которая не любит своего ребёнка? Особенно если этот ребёнок тяжело болен и в любой момент может умереть. Если бы она в самом начале отказалась от него и отослала прочь с глаз долой — можно было бы ещё понять. Но если жить изо дня в день под одной крышей, будь то любовь, ненависть или иное чувство, эмоции неминуемо должны были проявляться.

Чу Му был умён и проницателен, он не мог не задумываться над этим.

Он не только думал, но и действовал.

Он занялся расследованием всего, что с этим связано.

К сожалению... без каких-либо ощутимых результатов.

Должно быть, в тот год во время родов госпожи Су случилось нечто необычное, что породило слухи, а затем кто-то из заинтересованных лиц намеренно начал сеять смуту и плести интриги... Истинное положение вещей оказалось погребено под бесчисленными слоями козней и расчётов.

Сам не зная почему, Се Тин Юэ не смог удержать ход своих мыслей, и они внезапно перескочили на совершенно иную тему:

— Тогда старший принц...

— Что за глупости лезут тебе в голову? — Чу Му ласково постучал его по лбу. — Думаешь, это театральная пьеса? Императорскую кровь не так-то просто спутать.

Се Тин Юэ прикрыл лоб рукой и внезапно покраснел:

— ...А.

Верно, его мысли были слишком невероятными.

Чу Му продолжил:

— Кто бы что мне ни говорил — я не поверю. Я могу доверять лишь тем фактам, которые держу в своих руках.

Говоря это, он опустил взгляд. Ресницы отбросили тень на его лицо, и он выглядел таким одиноким, таким подавленным, словно весь мир отвернулся от него.

Бедняжка...

Се Тин Юэ приблизился и поцеловал Чу Му в щёку:

— Не бойся, я с тобой. Я буду рядом, пока мы постепенно не докопаемся до правды.

Он не думал, что Чу Му сдастся. Пусть это дело и казалось невероятно сложным, пусть всё изменилось и теперь многое не поддавалось проверке, но... впереди ещё столько дней, если постараться, правда непременно выйдет наружу.

Чу Му внезапно замер.

Его длинные пальцы медленно коснулись лица.

А затем он улыбнулся. Улыбка расцвела в глубине его глаз, растеклась до кончиков бровей и уголков глаз, словно лепестки весенних цветов, пропитанные мёдом, — такая сладкая.

— Госпожа, вы украдкой поцеловали меня.

Се Тин Юэ: «...»

— Ничего я не делал! Я не... Просто голова перестала меня слушаться!

Чу Му не стал слушать его сбивчивые оправдания, а лишь крепко обнял Се Тин Юэ и принялся жадно целовать.

Он чувствовал тепло в своих объятиях, дыхание на губах — его сердце стало мягким, как никогда прежде.

Его госпожа...

Во всём мире не было никого прекраснее.

<http://bllate.org/book/13821/2161422>